

84(2loc-14c)6

Н 74

**Александр
Новопашин**

Верховой

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

84/2Рос-Рус, 6
Н74

Александр НОВОПАШИН

Верховой

Лирика

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037803
Центральная городская библиотека
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 31/3
Абонемента

- 123627 / 1 - 0

**Мандр и Ка
Тюмень
2004**

ББК 84.9
Н 74

Н 74 **НОВОПАШИН Александр Павлович.**
ВЕРХОВОЙ: Лирика / А.П. Ново-
пашин. — Тюмень: Мандр и К^а, 2004.
— 32 с.

- © Новопашин А.П., 2004.
© Рогачева Е.В. (обложка), 2004.
© Мандр и К^а (издание), 2004.

ISBN 5-93020-312-1

* * *

Стихло в руке перо,
Строфы в пургу умчались.
А за окном мело,
И фонари качались.

В желтый дрожащий круг
Снега клубы летели.
Помню слиянье губ
И торжество метели.

Все унеслось, прошло,
Вроде и не встречались...
А за окном мело,
И фонари качались.

* * *

Что я такое? Кто я?
Бульжник в море песков?
Хвоинка в гуще лесов?
Иль буря в минуту покоя?

* * *

Яблоко пахнет морозом зимы,
Искрится снег цветастым лугом.
Сами не зная, с тобою мы
Были предчувствием друг друга.

* * *

Стихи прилетают ночью,
Когда даже пыльная люстра
Мечтает взлететь пропеллером.
Но это, увы, непросто.

* * *

Отдыхающая смена
Спит в прокуренном балке.
Лишь один комар несмело
Ноет где-то в уголке.

Дизеля поют негромко
На бессонной буровой.
Самотлорскою бетонкой,
Снится, едем мы домой.

Вижу вновь глаза любимой,
Той, что верит, той, что ждет.
И предчувствие губ милых
Спать спокойно не дает.

А в окно стучится утро
Робкой веточкой сосны.
И ворочаются хмуро
Потревоженные сны.

* * *

Бегают собаки
По утреннему снегу.
Холодно собакам
По морозу бегать.
Щурятся, мохнатые,
От сиянья снега.
Будто виноватые
В наших с вами бедах.
«Глупые зазнайки
Эти человеки», —
Думают собаки.
Щурятся от снега.

Воспоминание про Новый год

Казалось, тайга расступилась в испуге
Вокруг буровой,
Когда вертолет, задрожав от натуги,
Повис над травой.
Упругие лопасти резали воздух,
Густой от жары...
Мне вспомнилось —

 падали льдинками звезды
Взамен мишуры.
Вдвойне хороша новогодняя вахта,
Вдвойне тяжела.
И стонет во тьме
 перегруженный трактор,
А дома — жена.
Уходят под землю железные «свечи»
Одна за одной...
А как мы мечтали сидеть в этот вечер
За свечкой с тобой!
Но щеки горят от жары на морозе
Бутонами роз...
А помнишь, тебе из Москвы я мимозы
Зимою привез!

Поют дизеля, и звучит над тайгою
Курантовый бой.

И, словно на елке, горит надо мною
Гирлянда огней буровой.

Трубач

Ярко-красный закат
догорал где-то между домами,
И печальные тени
все длинней становились вокруг.
И когда сумрак ночи
холодком проходил между нами,
На балкон, что напротив,
выходил незнакомый мой друг.
Он вдыхал в пустоту
угасавшего бледного неба
Серебристые звезды
мелодии грустной своей.
И касался он ею
того затаенного нерва,
Что доступен любимой
да памяти школьных друзей.
И тогда затихали
семейные мелкие ссоры,
Открывались балконы
и души уставших людей.
А труба выводила
невидимой нитью узоры,
И мерцали созвездия
тонкой работы над ней.

Там, в далекой дали,
 где волнением пропитана память,
Каждый видел родное,
 до боли височной свое.
Наливалась теплом
 детства нежного хрупкая завязь,
И адела любовь,
 и кружило над ней воронье.
Зажигались огни
 многоцветьем оконных квадратов.
А трубач все играл,
 незаметный под сенью густой.
И казалось, что ноты
 он читал на страницах кварталов,
По огням этажей
 он сверял своей песни настрой.

* * *

Весною назвалась девчонка.
В моих ладонях пальцы грела,
Из-под искристой рыжей челки
Так странно на меня смотрела.
...А после плакала от счастья,
Смеялась влажными глазами,
Звала, забыв про все, умчаться
На дальний остров мироздания.
Но я, увы, не верил в чудо.
Она ушла, не попрощавшись.
Угасла ночь, настало утро.
Шел дождь. Она не возвращалась.
Потом был снег тревожно-белый,
Оцепеневшее безмолвье
И нарисованные мелом
Ее черты над изголовьем.
...Она пришла. Дрожали пальцы,
И руки деть куда, не зная,
Звала, забыв про все, умчаться
На дальний остров мироздания.
И я, счастливый и прощенный,
Летел сквозь тьму как угорелый...
Из-под искристой рыжей челки
Она вослед мне лишь смотрела.

Звонок из прошлого

На зеркальном диске таксофона,
Запотевшем от горячих слов,
Видится мне профиль твой знакомый
И огни рекламы за стеклом.
Желтый купол старого торшера,
Книжных полок сладкий полумрак,
Корешки собрания Флобера,
Читанного мною до утра...
И казалось, что ты снова близко,
А разлуки не было и нет.
Но чернеют на зеркальном диске
Цифры разделяющих нас лет.

ФИЛОЛОГИНИ

Университетские зазнобы,
Модницы, эстетки в свитерах,
Разыщи-ка вас сейчас попробуй
На тюменских крайних северах.

Где-то на далеком Уренгое
В школе, выстроенной первый год,
Несравненная красавица Блинкова
Маяковского преподает.

Пахнут нефтью черновые строчки
В недописанных еще стихах
Поэтессы, что в ночной сорочке
С вахты мужа ждет буровика.

И глядит на детскую кроватку
Со стены таежного балка
Нерушимое студенческое братство
Фотографией «последнего звонка».

Я пройду судьбу свою, как зимник,
Пусть горька болотная вода.
Вы со мной, мои филологини,
Университетские года.

Фонари

Задумчивые фонари,
Я знаю ваши тайны.
Их никому не говорил
И говорить не стану.
Я был когда-то ярким днем
Худым и длинным фонарем.

* * *

Угловатую мальчишескую душу
Мне, увы, не спрятать никогда.
Прорываются желания наружу,
Несмотря на опыт и года.

Ничего не сделать мне с собою.
— Ты наивен, — люди говорят.
Но я счастлив детскою мечтою,
Тесен мне солидности наряд.

Угловатую мальчишескую душу
Мне уже не спрятать никогда.
Я ребячью клятву не нарушу,
Несмотря на опыт и года.

Самотлорочка

Мне приснилась Самотлорочка.
В ярких отблесках огня
Черноокая девчоночка
Танцевала, вдаль маня.

И пошел я, околдованный
Красотой ее очей,
Молодой и нецелованный
И пока еще ничей.

Побежал за черноокою,
Глаз не в силах оторвать.
И мечтал, как над осокою
Ее буду обнимать.

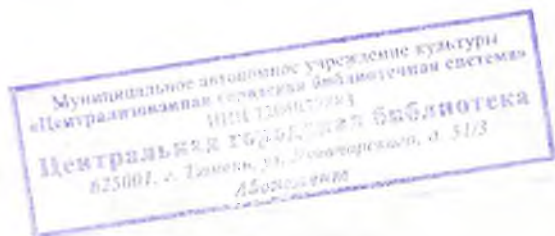
Как коснусь я губ морошковых
Поцелуем, и луна
Серебристою дорожкой
Будет таять на волнах...

Только в сказках сны сбываются, —
Так наивно думал я.
Мне с чеканки улыбается
Самотлорочка моя.

-123627/1

Варежка

Деревянная милая Зарека,
Мне все снится который год
Моя мокрая детская варежка,
Оброненная в сугроб.
Слышу мамины нарекания
И отцовский усталый вздох.
Цепенеющими руками я
Найти варежку вновь не смог.

* * *

Дыма траурные шлейфы
Самотлорских факелов,
Словно вестники крушений
И далеких катастроф.
Словно черная кривая,
Зачеркнувшая мечты.
Словно спор, не признавая
Собственной неправоты.

У МОГИЛЫ ОТЦА

Привезу к тебе сына, отец.
Будет полдень июньский одет
В желто-белый ромашковый цвет,
Сыном собранный в скромный букет.

По песчаной дорожке пройдем
До твоей молчаливой сосны.
Расскажу я про наше житье,
Про тревожные мамины сны.

Про нехитрые наши дела,
И каким стал наш суетный мир.
Про болезнь, что к нам в дом забрела,
И о вечной проблеме квартир.

Удивление в детских глазах.
Да, сынок, это нужно живым.
Вслух отцу я про все рассказал,
Молча ты о своем расскажи.

Тихо лягут на мрамор цветы.
И внимательно будут смотреть
Друг на друга сквозь вечности дым
Незнакомые внучек и дед.

Дождь

Дождя прозрачный перпендикуляр,
Как ненавидит он горизонтали!
Дробины града в крыши расстрелял
И в души плоские, прикрытые зонтами.

Насквозь промокли доминошные столы,
В слезах щербатая щека асфальта.
Ребенок у окна с улыбкою застыл.
Мир свеж и ярок, словно новый фантик.

А дождь тревожит, будит и зовет.
И поднимаются влюбленные с постели.
Их первый грех — падение и взлет —
С наивных душ смывается капелью.

И поднимаются упавшие в пути,
И робкий голос крепнет прямоюю.
Навстречу влаге тянутся цветы,
И тает тень горизонтального покоя.

Струится с неба восклицательная нить
И точки пузырями ставит в лужи.

Сад поэзии

Жил поэт. Дни и ночи не спал —
Сад стихов он своих охранял.
Дни и ночи лелеял лозу,
Сыпал в лунки он торф и золу,
Строил к небу высокий забор,
Чтоб не видел соседний бугор,
Как плоды вожделенных стихов
Прятал он за тяжелый засов.
Грозди слов, что мерцали во тьме,
Хоронил в лопухой ботве.
Мысли складывал в темный подвал,
Травы снов золотых — в сеновал.
Ночью черной один при свече
Чистил перья Жар-Птице — мечте...

Но однажды, устав от забот,
Он открыл свой тяжелый засов,
Чужестранца пустил на порог,
Убеленного пылью дорог.
Жажду гостя водой утолил
И торжественно в сад проводил.
Но напрасно срывал он плоды, —
Они были горьки, холодны.
Грозди слов, что мерцали во тьме,

Потускнели в сонливой ботве.
Полон гнили вонючий подвал,
Где он мысли от света скрывал.
Золотые далекие сны
Ветры в поле давно унесли.
И поэт изумленный вскричал:
— У меня есть Жар-Птица — мечта!
Он с волнением клетку открыл, —
Ворон в клетке столетний, уныл.

Чужестранец плечами пожал.
Путь на родину странника ждал.
И стоял под забором поэт,
Страшным взором уставясь вослед.
Был ли в жизни поэзии сад?!
Пугал черные тени молчат.

Предчувствие стиха

Оно приходит голубым дождем,
Осеннею тревожною разлукой.
Костер из листьев желтых разожжен,
Дымит сквозь пальцы и не греет руки.

Оно приходит белой стеной
Завьюженных ночных воспоминаний,
Когда через замерзшее стекло
Видна лишь только тень непониманья.

Оно приходит гулкою капелью,
Прищуренным мальчишеским броском
В мохнатую сосульку на котельной,
Похожую на длинный зимний сон.

Оно приходит, словно нежный запах
Цветов, не распустившихся пока,
И как твое обещанное «завтра».
Весь мир — это предчувствие стиха.

Береза

Не лезет гвоздь в березу, как ни бей.
Сгибаются железные колени,
И мнутся шляпки у крутых гвоздей,
Аж молоток зашелся от волненья.

Не лезет гвоздь в березу, как ни бей.
Береза крепче мата и гвоздей.

Слезу пустила рыжая сосна,
От страха липки стали ее слезы.
Тревожно-молчалива и грустна
Лежит доскою ставшая береза.

Не лезет гвоздь в березу, и не бей.
Не предавай повергнутых друзей.

Счастливым билет

Ты вышла из троллейбуса пустого,
Вуаль ажурную слегка приподнимая,
Как неизвестная красавица Крамского,
Безмерно гордая и молодая.

А на заплеванной и хмурой остановке
Среди прохожих ползал старый ветер.
Протискиваясь меж сапог неловко,
Искал чудак счастливые билеты.

И вдруг он замер, стоя на коленях,
Заметив, как ты радостно спешила,
Покусывая губы от волненья,
Навстречу длинноногому мужчине.

И ты прошла буквально в полушаге,
Благоухая дивным ароматом.
Такая восхитительно большая
С безногим ветром-инвалидом рядом.

А он держал в мозолистой ладони
Билет, тобою брошенный на ветер.
И был счастливым шестизначный номер.
Но счастья не было в твоём билете.

Прощание

Спасибо вам, мои друзья,
Моя рабочая бригада
За слово строгое «нельзя»,
За слово праведное «надо».

За грубоватый юморок,
За «комсомольскую» лопату,
Которую с трудом я смог
Вонзить в густой бетон когда-то.

За семь потов на сто кубов,
За беломорину сухую,
За то, что каждый был готов
На риск, товарища страхуя.

Тебе спасибо, бригадир,
Что не давал Студенту спуску,
Кувалду в складе находил
Вполне по силам и по вкусу!

Спасибо за твое плечо,
За крепкое рукопожатье,
За то, что, может быть, еще
Пока не в силах и назвать я.

Рабочий университет,
Негромкая мужская дружба.
В твоей житейской простоте
Моя опора и оружие.

Откровение

На душе нарастает сало, —
Слишком скучно и тихо стало,
И вокруг — ни друзей, ни песен.
И живешь — ни угрюм, ни весел.

* * *

В огненном нимбе волос
Ты шла по Арбатской улочке
Среди толчеи и спешки,
Утреннего многолюдья.
Шла ты, как будто в мире
Не было вовсе времени,
Раздробленного суетою
На миллионы шагов.
Попав в поток безвременья,
Завороженный пламенем,
Шел я по солнечным улицам —
Улицам нового дня.
...Вот и сейчас, наверное,
Лбом прислонившись к полуночи,
Смотрит в окно и ждет меня
Моя холостая бессонница
В огненном нимбе волос.

Трибун

Человек любил высокие слова,
Восклицательные, словно небоскребы,
Воспарительные, словно синева
Восхитительного небосвода.

Он взбирался на ступени слов,
Над трибуной громоздился выше
Серой массы запрокинутых голов,
Всеми почитаем, виден, слышен.

Человек любил высокие слова,
От которых закружилась голова.
И упал однажды он в глубокий снег,
И давно забыт известный человек.

Верховой

...А здесь невозможно петь,
Хотя и не петь нельзя.
Полночной пурги круговерть
Напрочь слепит глаза.

Не высота страшна.
Все это просто вздор!..
Лопнет в груди струна.
Нет у нее опор.

Из-под ноги земля
Вынырнет над головой.
Скажут потом про меня:
— Был у нас верховой...

Оглавление

«Стихло в руке перо...»	3
«Что я такое? Кто я?...»	4
«Яблоко пахнет морозом зимы...»	4
«Стихи прилетают ночью...»	4
«Отдыхающая смена...»	5
«Бегают собаки...»	6
Воспоминание про Новый год	7
Трубач	9
«Весною назвалась девчонка...»	11
Звонок из прошлого	12
Филологини	13
Фонари	14
«Угловатую мальчишескую душу...»	15
Самотлорочка	16
Варежка	17
«Дыма траурные шлейфы...»	18
У могилы отца	19
Дождь	20
Сад поэзии	21
Предчувствие стиха	23
Береза	24
Счастливый билет	25
Прощание	26
Откровение	28
«В огненном нимбе волос...»	29
Трибун	30
Верховой	31

Подписано в печать 18.09.2004 г.
Формат 75х90/32. Гарнитура «Lazursky».
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл.-печ. л. 1,25. Тираж 200.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

10р

НОВАЯ ЦЕНА

10 руб. 00 коп.

